

С.А. К о з л о в

РУССКИЕ ПЛЕННЫЕ И ПОЛОНЯНИЧНЫЕ ДЕНЬГИ (вторая половина XVI в. – 20-е годы XVIII в.)*

История налогообложения России неразрывно связана с территориальным расширением государства, активизацией внешней политики, проведением военных кампаний и осуществлением расходов на содержание армии. Начиная с XVI в. власти увязывали геополитические проекты на западном и восточном направлениях с возможностями населения нести дополнительное налоговое бремя и с состоянием государственной казны. Зачастую новые налоги вводились в связи с постоянно возрастающими военными расходами. Одновременно власти стремились за счёт увеличения налоговой нагрузки ликвидировать последствия набегов и нападений, совершаемых на российскую территорию, или оккупации русских земель враждебными государствами.

Одними из самых тяжёлых и болезненных были набеги крымских татар на приграничные территории и их опустошительные походы вглубь страны. На протяжении более чем двух столетий (вплоть до присоединения Крымского ханства к России в 1783 г.) российским властям приходилось мириться с захватом в плен сотен русских людей и продажей их в рабство на невольничьих рынках Кафы и Стамбула. Крымские татары рассматривали русских пленных только как товар, и поэтому основной формой их освобождения был выкуп, все остальные формы («розмен» и т. д.) играли незначительную роль. Выкуп пленных у крымцев мог быть осуществлён следующими способами: 1) русский полон привозили на заранее условленное место, где сперва крымцы проводили «розмен», а за оставшихся брали выкуп. Нередко, захватив на южных окраинах России большой полон, крымцы, расположившись неподалеку, звали жителей разорённых приграничных городков выкупать своих соплеменников; 2) крымские и турецкие послы и иноземные купцы-посредники приводили пленных на выкуп в Москву; русская пословица гласила: гонец из Крыма, как таракан из дыма; 3) российские послы в Крыму и Османской Турции получали денежные средства из казны на выкуп пленных без установления таксы¹.

Выкуп соотечественников из «бусурманского» плена, наряду с частным делом, довольно быстро превратился в важнейшую государственную задачу. Первым актом, направленным

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-01-00066.

III. ARTICLES ON ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

на упорядочение выкупа пленных, принято считать грамоту 1535 г. Ивана IV архиепископу новгородскому Макарию. В ней от имени малолетнего государя повелевалось боярам «сребро дати елико достойт, а хрестьянские души от иноплеменных искупити», а владыке Макарию «в ту мзду самому вкупну быти, по обежному счёту, а в своей архиепископии в Великом Новгороде и Пскове и во окрестных городех своей архиепископии со всех монастырей... собрати семьсот рублей»². По мнению Ю.Л. Гессена, бояре выплатили из государственной казны выкупную сумму, но духовенство возместило расходы³.

Вопрос об организации выкупа пленных, попавших «в полон к бусурманам», Иван IV вынес на обсуждение церковного собора 1551 г. В царском вопросе (10) Стоглавому собору указывалось на то, что «пленных привозят на окуп из орд: бояр и боярынь и всяких людей. А иные сами выходят, должни и беспоместны, и здесь окупиться нечим, а никто не окупит. И тех полонеников, мужей и жен, опять возят назад в бесерменство, а и здесь над ними поругаются всякими скверными богомерзкими. Достойт о сём уложить соборне, как тем окуп чинити, а в неверные не отпущати»⁴. Иван IV стремился передать вопрос о полоняниках в ведение Православной церкви. Высшие церковные иерархи дали царю следующий ответ: «Которых окупят царевы послы в ордах и во Цареграде, или в Крыму, или в Казани, или в Астрахани, или в Кафи, или сами окупятся, и тех всех пленных окупати из царевы казны». При этом они не забыли напомнить: «И пророком рече Бог: "Не щадите серебра человека ради". Христос же не токмо серебра, но и душу свою повелевает по братии положить»⁵. Стоглавый собор придал выкупу пленных характер религиозного долга.

В результате возникает новый государственный сбор, взыскиваемый для выкупа из плена русских людей — полоняничные деньги. Из нерегулярного (как добровольного пожертвования, христианской милостыни) он довольно быстро превратился в систематически взимающуюся подать. С 80-х годов XVI в. предусматривались уже два полоняничных сбора: на выкуп русских людей из плена и на содержание пленных, захваченных российской армией в ходе военных действий (полоняникам-немцам на корм).

Полоняничные деньги собирались в разных объемах. Так, в новгородской платёжной книге, составленной в марте 1586 г., фиксировались все виды налогов, в том числе полоняничные сборы. Норма платежей с поместных и монастырских земель колебалась незначительно: детям боярским полоняникам на окуп — от 13 до 14 денег, полоняникам немцам на корм — от 13 до 14,5 денег⁶. Исключения были в тех случаях, когда обложение составляло сотые доли обжи. К примеру, помещик Спасского Городенского погоста Вотской пятины В. Хвостов с пол-полчети ($\frac{1}{16}$) обжи платил 1 деньгу, т. е. норма с обжи составляла 15,9 деньга⁷.

Как отмечал П.Н. Милюков, полоняничный оклад ещё не установился: на 1581 г. с одного монастырского имения они берутся (в три приёма) в размере 18 рублей 39 копеек с сохи; на 1582 г. с того же имения — 13 рублей 46 копеек, а с другого — 13 рублей 63 копейки с сохи; на 1588 – 1589 г. с двух равных имений поровну по 2 рубля с сохи⁸. По подсчётам Г.В. Абрамовича, величина двух государственных податей — детям боярским-полоняникам на откуп и полоняникам-немцам на корм — на вотчинных, поместных и монастырских землях с 1586 по 1602 г. не менялась и составляла соответственно 13,5 и 14,5 деньга с обжи⁹.

В общей номенклатуре налогов полоняничные деньги во второй половине XVI в. составляли (по подсчётам Н.А. Рожкова) — 4,8 %. Расчёты Г.В. Абрамовича, подвергнувшего критике методику Н.А. Рожкова, оказались сопоставимыми с этими данными — 3,5 %, а вместе со сбором полоняникам-немцам на корм достигали 7,2 %¹⁰.

Помимо уплаты полоняничных денег, население южных рубежей России выполняло засечную повинность, что было вызвано строительством Большой засечной черты — линии укреплений к югу от Оки для защиты от крымской опасности. Уложением о сторожевой

III. СТАТЬИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

службе 1571 г. в степь выдвигались «сторожи» и «станицы» из служилых людей, которые вели разведку и оповещали жителей приграничных городов о появлении крымцев¹¹. Впоследствии данная повинность была заменена денежными платежами и превратилась в городовое и засечное дело (засечные деньги). В 50-е годы – начале 80-х годов XVI в. налоговый сбор составлял 9,6 % от общего размера основных налогов и сборов с сохи¹².

Подсчитать количество соотечественников, попавших в крымский и турецкий полон в XVI в. из-за фрагментарности сведений, сохранившихся в источниках, не представляется возможным. Как отмечал литовский шляхтич и писатель Михалон Литвин (Венцеслав Миколаевич) в сочинении «О правах татар, литовцев и москвитян» (около 1550 г.): «Один иудей, там в Таврике у тех единственных врат её, стоящий во главе таможи, видя, что туда постоянно ввозится бесчисленное множество пленных людей наших, спрашивал у нас, всё так же ли наши земли изобилуют людьми или нет и откуда здесь такое множество смертных»¹³. По образному выражению одного из современников, «воевали саблей, мечом и полоном»¹⁴.

В XVII в. продолжились сборы полоняничных денег для выкупа пленных у крымских татар, турок, Больших и Малых Ногаев. Это было время тяжёлых испытаний для южных окраин России, пограничные уезды оказались выжжены крымцами дотла, и властям пришлось создавать новую укрепленную линию — Белгородскую засечную черту, строительство которой было завершено в 50-е годы XVII в.¹⁵. А.А. Новосельский полагал, что общее количество пленённых татарами русских людей в первую половину XVII в. составляло минимум от 150 до 200 тысяч человек¹⁶. Требовались колоссальные средства для вызволения соотечественников из неволи, и поэтому только благодаря эффективной государственной политике в этом вопросе удалось создать систему поиска и выкупа русских пленников из «бусурманской» неволи.

В документах Посольского приказа, хранящихся в РГАДА (Ф. 123. (Сношения России с Крымом)), отложились «книги росходные... на окуп полонеником», в которых фиксировались не только имена и суммы выплаченных денег, но и сведения о выкупленных людях. О каждом из полоняников в «книге росходной» помещались следующие сведения: фамилия, имя, отчество; территориальное и социальное происхождение или род службы; когда и при каких обстоятельствах был взят в плен; сколько лет провёл в плену; по какой цене, у какого посредника и на какие деньги был выкуплен. При этом информация о том, у кого был выкуплен полоняник, отсутствовала¹⁷.

Однако прежде чем осуществить выкуп пленного, его необходимо было найти на чужбине. С этой целью по инициативе Посольского приказа в Крым направлялись посланники, которым поручалось найти полоняников и подготовить торговую сделку по их избавлению из «бусурманской» неволи. Российские гонцы передавали «полоняничную роспись» крымским и турецким представителям, посещали невольничьи рынки и встречались с продавцами «живого товара». Как отмечал В.Д. Жуков, именно необходимость выкупать пленных объясняет, почему в Крым посольства отправлялись так часто¹⁸. А.С. Лавров считал деятельность московских дипломатов в Крыму консульской службой. Прежде всего это касалось идентификации подданных и систематизации информации о них. Схожие черты исследователь обнаружил в деятельности западноевропейских государственных институтов по выкупу пленников-соотечественников из княжества Магриба¹⁹.

Зачастую организация выкупа пленных требовала кропотливой подготовительной работы, и поэтому осуществление торговой сделки могло растянуться на годы. Вначале в «полоняничной росписи» определялись условия выкупа, т. е. указывалось имя пленного и его договорная цена, что являлось своеобразным обязательством российских властей

перед работорговцем. В свою очередь последний больше не мог продать полоняника на восточных невольничьих рынках. После рассмотрения росписи в Посольском приказе власти выделяли деньги на окуп. Правда, договориться о цене выкупа удавалось не всегда. Посланники оказывались связанными «указной ценой», установленной государством, но угроза продажи пленников в Кафе или Стамбуле заставляла власти идти на уступки и превышать «указную цену». К примеру, в наказе от 19 декабря 1637 г. позволялось, если крымцы за дворянина или сына боярского «учнут просить болши» чем по 10 рублей с каждых 100 четвертей оклада земли, эту ставку можно увеличить в полтора, а в крайнем случае, «будет и на то не уговорятся», в два раза²⁰.

В случае если запрашиваемая сумма во много раз превышала «указную цену», пленникам приходилось обращаться к родственникам с просьбой принять участие в выкупе. Полоняник также оформлял на себя одну или несколько заёмных кабал — договор-обязательство выплатить окуп по возвращении в Россию. Заимодателями выступали в основном татары, но встречались и проживавшие в Крыму караимы, греки, армяне. Нередко доведённый до отчаяния невольник заключал заёмные кабалы, которые не мог выплатить. По возвращении на родину он подавал челобитную на имя государя с просьбой за его «полонское терпение» заплатить окуп. В итоге российские власти вынуждены были выкупать заёмные кабалы пленных; они каждый раз подчеркивали исключительность данного решения и требовали от освобождённых из плена, при финансовой возможности, вернуть в казну потраченные на них деньги. В.Д. Жуков верно заметил: «Ничего подобного такой государственной системе выкупа в других государствах, страдавших от набегов за рабами (Польша, Италия, Испания, некоторые страны Леванта), мы не находим. Это характерная черта особого типа общественного устройства, сложившегося в Московском государстве»²¹.

К середине XVII в. механизм сбора полоняничных денег для вызволения соотечественников из неволи был уже чётко отлажен, что нашло отражение в восьмой главе «О икуплении пленных» Соборного Уложения 1649 г. Полоняничный сбор провозглашался как «общая милостыня» и становился ежегодным и обязательным для большинства населения. В отличие от прошлых сборов с сохи теперь полоняничные деньги собирались подворно «по новым переписным книгам». Посадские люди, церковные и монастырские крестьяне платили 8 денег со двора, черносошные, дворцовые, поместные и вотчинные крестьяне — 4 деньги. Наконец, служилые люди по прибору (т. е. стрельцы, казаки, пушкарки и др.) уплачивали по 2 деньги со двора²².

Власти учитывали все обстоятельства пленения и повелевали «из полоня окупить» только тех служилых людей, которые «с бусурманами за православную христианскую веру и за наше государство бились». Воеводам предписывалось давать точные сведения о потерях, сообщать о всех раненых и взятых в плен. Мирное население приграничных территорий власти также постоянно предупреждали: если в случае оповещения о приближении неприятеля они не уйдут со своим имуществом из селений в укрепленные города «в осаду», то будут отданы на произвол судьбы, и «полонное терпенье будет от себя, и из полону государь окупать их и на обмену иметь не велит»²³.

Российские власти всячески поощряли побег из плена. Полоняникам удавалось бежать из неволи следующими путями: 1) побег в одиночку; 2) групповой побег; 3) освобождение из плена с помощью вольных казаков, живших по Днепру, Дону, Волге и Тереку. Необходимо отметить, что казачество не только сдерживало опустошительные набеги крымских и турецких отрядов на южные окраины России, но и предпринимало ответные походы на территорию противника, доходя до Бахчисарая и Стамбула. Казаки освобождали из позорного «бусурманского» плена русских людей и являлись признанными посредниками

III. СТАТЬИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

в деле «розмена» и окупа соотечественников из неволи. Наконец, часть полоняников вливалась в казачьи общины, деятельно участвуя в отражении внешних угроз и отстаивании привилегий и вольностей казачества запольных рек.

Сохранились «расспросные речи» бежавших из плена соотечественников, благодаря которым можно воссоздать трагические перипетии судеб невольников. К примеру, в отписке терских воевод 1629 г. приводятся «роспросы» русских полоняников, бежавших на Терек в казачьи станицы. Один из них, «Тренка Иванов, руской человек, а которово города и какой человек отец ево был тово не помнит, взяли ево невелика нагаиские татаровя тому лет з дватцат, и у татар де он жил з год, и татаровя де продали в Кумыки... а те де ево продали кизылбашским людем в Шемаху». Другой пленник «Магаметка, руской человек, калуженин, пахотново человека сын, а русково имяни не помнит, а как отца ево звали, тово не помнит же потому, что взяли ево под Калугою казыевские татаровя осми лет, и жил де он в полону в Казыеве улусе года з два, и... украли его... черкасы, и был у черкас два годы, и... продали ево... кумыком, и в кумыках... жил лет з дватцать, и ис кумык он вышел на Терек»²⁴.

В Соборном Уложении 1649 г. (гл. XX; ст. 34, 66) были расширены и конкретизированы положения статьи 80 Судебника 1550 г., связанные с пленением и самостоятельным возвращением (бегством) холопов из плена. Уложение предусматривало, что холоп, взятый в плен в бою и вышедший из плена, освобождался от холопской зависимости по старому правилу вместе с женой и детьми. Вышедших из плена посадских людей и их детей освобождали от несения тягла, и предоставляли свободу передвижения (гл. XIX; ст. 33). Однако холопы, бежавшие от своих господ прежде, чем попали в плен, при избавлении от полона возвращались прежним владельцам (гл. XX; ст. 34, 35)²⁵.

В Уложении была установлена и примерная такса за выкуп пленного, зависевшая во многом от его социального положения. Так, государственная такса за выкуп дворянина, «взятого в бою», зависела от размеров его поместья (оклада): со ста четвертей оклада по 20 рублей. За тех же из них, кто был взят в полон «не на бою и не на посылках», давали на окуп со ста четвертей земли по 5 рублей. За пленённых московских стрельцов власти готовы были заплатить 40 рублей, а за стрельцов «украинных городов» и за казаков — 25 рублей, за посадских людей — 20 рублей, за «пашенных крестьян и боярских людей» — 15 рублей²⁶. Однако при этом выкуп оставался торговой сделкой и превратился в выгодный промысел для турецких и крымских гонцов, устанавливавших высокие цены.

К примеру, на двух «розменах», проходивших в пограничном местечке Валулки в сентябре 1651 г. и марте 1655 г. было выкуплено 145 полоняников. За каждого из 56 выкупленных служилых по прибору, несших военную службу на засечной черте, российские власти заплатили (средняя цена) по 106 рублей; за 27 служилых по отечеству — по 106 рублей; за 14 крестьян — по 109 рублей; за двух посадских людей — по 115 рублей. Наибольшее количество из выкупленных пленных было связано с южной окраиной (к югу от Оки) — 51,2 % и Северной землей — 31,8 %. Наиболее оперативно выкупались служилые по прибору — половина из них провела в плену менее 5 лет. Дети боярские из-за бюрократических формальностей (предварительного запроса служилого города в Разряд, согласований с Посольским приказом и т. д.) выкупались за период от 5 до 10 лет с момента плена. Наконец, 29 % из числа выкупленных полоняников находились в неволе несколько десятилетий: с 11 до 24 лет — 11 человек, с 25 до 40 лет — 5 человек²⁷.

Российские власти допускали выкуп пленных товарами. В 1671 г. появился указ, разрешавший греческим торговцам-посредникам, привозившим взятых ими на окуп пленных, выдавать соответствующее вознаграждение соболями из Сибирского приказа²⁸.

III. ARTICLES ON ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

При этом возможности государственной казны по выкупу соотечественников из плена напрямую зависели от суммы собираемого ежегодно налога — полоняничных денег. Выкупом пленных в разное время занимались центральные учреждения — Большой Дворец и Большой Приход. В XVII в. полоняничный сбор подлежал отсылке в Посольский приказ, ведавший иностранными делами. Денежные средства поступали из Владимирской, Галицкой, Костромской, Устюжской, Новгородской четей, Казанского и Большого Дворцов, Монастырского, Пушкарского, Стрелецкого приказов и других учреждений. С 1670 г. Посольскому приказу был подчинён Полоняничный приказ (Приказ полоняничных дел), ведавший военнопленными. Он эффективно функционировал до 1678 г. и был упразднён в связи с передачей дел о полоняниках в Земский приказ.

По подсчётам П.Н. Милюкова, в 1656 – 1664 г. сумма собранных полоняничных денег колебалась от 5,5 до 30 тысяч рублей, но, благодаря тому что Посольский приказ расходовал на выкуп пленных гораздо меньше, чем получал, в ведомстве в иные годы накапливался остаток до 70 тысяч рублей, а с поступлениями текущего года достигал 82,5 тысяч рублей. Кроме того, помимо обязательного сбора для окупа пленных поступали пожертвования «по душе» от частных лиц²⁹.

Сбор полоняничных денег (как и других государственных податей) возлагался на крестьянскую и посадскую общины, землевладельцев и местную администрацию. Сбор налога начинался по государеву указу, который, как правило, издавался ежегодно. Собранные деньги отправлялись в Москву, куда с ними выезжали специально выбранные целовальники-«посыльщики»³⁰.

Суммы полоняничных денег, поступавших в государеву казну, фиксировались в книгах сбора денег и платёжных отписях. К примеру, в архиве Кирилло-Белозерского монастыря сохранились «книги збора денег на окуп пленных с монастырские вотчины Белозерского, Вологодского и Пошехонского уезда» (октябрь 1665 – 9 марта 1666 г.)³¹. Их изучение позволяет проследить процесс сбора полоняничных денег в крупной монастырской вотчине.

В преамбуле к книгам сбора денег отмечалось: в октябре 1665 г. строитель старец Аврамей Логинов с подворья в Москве писал властям о том, что «по указу великого государя платил он в ево, великого государя, казну» с монастырской вотчины Кирилло-Белозерского монастыря с «крестьянских и з бобыльских дворов пленным на окуп» «з двора по осми денег», а также «на расход от описей» с десяти дворов по четыре деньги. Полоняничные деньги в селах с деревнями (волостях) собирали крестьянские сборщики и сдавали их назначенному монастырской администрацией «збирать те деньги» службе Максимке Григорьеву, он же «писал книги збору пленным на окуп»³².

В «книгах збору пленным на окуп» перечислены волости, количество дворов, собранная с них денежная сумма и имена крестьян сборщиков. Так, например, в Волоке Славинском учтено 429 дворов крестьянских «да четыре двора поповые, четыре двора дьячковых». Староста Василий Петров заплатил 18 рублей 11 алтын 2 деньги. В Рукине Слободке — 233 двора крестьянских, 2 двора поповых, 2 двора дьячковых. Староста Денис Микулин заплатил 9 рублей 31 алтын 3 деньги. В Ярбозеро — 55 дворов крестьянских, 2 двора поповых, 2 двора дьячковых. Максимко Евтифеев заплатил 2 рубля 13 алтын. В Романовой Слободке — 130 дворов крестьянских, 3 двора поповых, 3 двора дьячковых. Приказчик Иван Алтуфьев заплатил 5 рублей 23 алтына 2 деньги. В Елизарове Раменье — 65 дворов крестьянских, двор попов, двор дьячков. Крестьянин Захарко Дмитриев заплатил с 52 дворов 2 рубля 6 алтын. Замолотчик старец Феодосей писал, что 15 крестьянских дворов пусты: «...крестьяне совсем збрали в мир и взять де тех денег не на ком». В Великоселье —

III. СТАТЬИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

20 дворов крестьянских. Фёдор Михайлов заплатил 28 алтын. По сравнению с 1664 г. было «недонято» с двух бобыльских дворов, так как «бобыли скитаются в мире и денег брать не на ком». В Танице — 28 дворов крестьянских, 2 дворов бобыльских, двор попов. Староста Траска Степанов заплатил 1 рубль 10 алтын.

Всего было собрано полоняничных денег с вотчины Кирилло-Белозерского монастыря на сумму 146 рублей 16 алтын 2 деньги. По соборному приказу эти деньги 9 марта 1666 г. были отданы казначею старцу Тимофею, который их «принял и руку приложил».

Последняя запись в «книгах збора денег на окуп пленных с монастырские вотчины Белозерского, Вологодского и Пошехонского уезда» (октябрь 1665 – 9 марта 1666 г.) гласила: «До того ж збору денег донять подмонастырных приходов с поповых и 3 дьяковых с 7 дворов. Да подмонастырных слобод на монастырских людех со 178 дворов 7 рублей 13 алтын. А добирать те деньги по росписи велено казначею старцу Тимофею»³³.

Динамику поступлений полоняничных денег с вотчины Кирилло-Белозерского монастыря с 1649 по 1672 г. позволяют проследить списки с платежных отписей³⁴. По государеву указу в казну в Приказ Большого дворца (1649 – 1651 г.) и Монастырский приказ (с 1652 г.) ежегодно собиралось полоняникам на окуп по 8 денег с дворов крестьян, бобылей, а также попов, дьячков и монастырских слуг. С 1649 по 1658 г. с 3813 крестьянских и бобыльских дворов Кирилло-Белозерской вотчины ежегодно в казну на окуп пленных собиралось 152 рубля 17 алтын 2 деньги. В 1659, 1660 и 1661 г. с 3855 дворов (включая 42 двора каргопольской вотчины) собирали по 154 рубля 6 алтын 4 деньги. В 1662 г. с 3945 дворов собрали 157 рублей 26 алтын 4 деньги. С 1665 по 1671 г. с 3885 дворов ежегодно собирали 155 рублей 13 алтын 2 деньги; в 1672 г. с 3861 дворов собрали 154 рубля 14 алтын 4 деньги. Наконец, за весь рассматриваемый период с 60 дворов монастырских слуг (служных дворов) ежегодно собирали 2 рубля 13 алтын 2 деньги³⁵. Как видим, совокупный денежный сбор на окуп пленным с вотчины Кирилло-Белозерского монастыря зависел от числа живущих дворов. При этом крестьяне, бобыли, священники, дьячки, монастырские слуги платили одинаково по 8 денег.

Сведений о взимании полоняничных денег с черносошного крестьянства и посадского населения Поморья (Европейского Севера и Приуралья) до середины XVII в. в источниках не обнаружено. Это дало основание М.А. Мацуку утверждать, что налог был введён на рассматриваемой территории государства решением Земского собора 1648/1649 г., которое было внесено в Соборное Уложение 1649 г. (гл. VIII; ст. 1)³⁶. О взимании полоняничных денег с налогоплательщиков Поморья сохранилось мало известий. К примеру, первое упоминание об окладе сбора на окуп пленным на Вятке относится к 1674 г.; он составлял в год по 267 рублей 64 копейки. Первые сведения об уплате полоняничных денег вятчанами сохранились за 1653/54 г. В этом и следующем году налога было принято «с Вятки, со всех пяти городов, с посадов и с уездов с посацких людей и с уездных крестьян и с Каринской волости с татар, и с чуваш, и с остяков» — 208 рублей 10 копеек. В 1656/57 г. вятчане уплатили 209 рублей 54 копейки. Следующие данные о взимании на Вятке полоняничных денег относятся к 1673/74 г., когда тяглецами было уплачено 245 рублей 51 копейка. Недобор составил 22 рубля 13 копеек. В 1677/78 г. государева казна получила с Вятских уездов 196 рублей 10 копеек полоняничных денег. Сохранившиеся данные об уплате вятчанами налога свидетельствуют, что несмотря на небольшой размер сбора, имелись недоимки. По мнению М.А. Мацука, недобранные полоняничные деньги с обнищавших вятчан не правились, а были в конце концов списаны³⁷.

В Поморье полоняничные деньги собирались до 1679 г. В результате фискальной реформы многочисленные налоги и сборы были отменены. Царским указом с боярским приговором от 27 ноября 1679 г. предписывалось: «...градским и уездным людям сбор... данных

III. ARTICLES ON ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

и полоняничных, четвертных, и пищальных, и малых ямщин... и на иные ни на какие мелкие расходы денежных доходов, которые они платили наперед сего... в разных приказах, и, сверх того, по воеводским прихотям, для многих их податей и тягостей отставить»³⁸. Одновременно вводился единый прямой налог — стрелецкие деньги. Однако отменены были полоняничные деньги только для черносошных крестьян и посадского населения Поморья.

Большинство российских налогоплательщиков продолжали ежегодно платить сбор полоняникам на окуп, но отныне он был объединён с ямскими деньгами и его величина сокращена. Сохранились платежные отписи в приёме в государеву казну ямских и полоняничных денег с деревень Курмышского уезда, принадлежащих помещикам Юрловым. Как явствует из первой по времени платежной записи от 17 мая 1681 г., «по государеву цареву и великого князя Фёдора Алексеевича Всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца указу и по приказу воеводы Емельяна Матвеевича Засецкого принял на Курмыш в приказной избе в государеву казну подьячий Андрюшка Соловьев на нынешней, на 189-й год Степана Матвеева сына Юрлова деревни Свиначовы, а Семаково то же, с задворного и крестьянских с трёх дворов, Бориса Матвеева сына Юрлова с дву дворов, Михаила Матвеева сына Юрлова с трёх дворов, Якима Михайлова сына Юрлова с трёх дворов да казанца Андрея Микитина сына Юрлова деревни Брехановской, а Красное Селцо то же, с задворного и крестьянских с пяти дворов ямских и полонных по десяти денег с двора. И в приходную книгу записал платить денги Якимов крестьянин Юрлова Мишка Панкратьев. К сей отписи воевода Емельян Матвеевич Засецкой печать свою приложил»³⁹. Как видно, в числе налогоплательщиков наряду с крестьянами упомянуты «задворные» — крестьяне, которые в переписных книгах 1678 г. с целью сокращения числа тяглых дворов записывались во дворах соседей или родственников.

В последующих платежных отписках (1683, 1686, 1692) фиксировались сборы только с деревни Свиначовой помещика С.М. Юрлова⁴⁰. Так, 8 декабря 1692 г. «по указу великих государей взято на Курмыш, в приказную избу, в их великих государей казну Курмышского уезду Имзинского стану Степана Матвеева сына Юрлова деревни Свиначовы, а Семаково то же, с трёх дворов ямских и полонянных денег... по десети денег з двора. К сей отписи столник и воевода князь Иван Степанович Засекин печать свою приложил»⁴¹. Как видно, норма платежа осталась прежней, но «задворные» (как налогоплательщики) не упоминаются. Возможно, упомянутые в платежной отписке 1681 г. родственники-помещики С.М. Юрлова не уплатили со своих дворов.

О масштабах недоимок ямских и полоняничных денег свидетельствует именной указ с боярским приговором от 22 апреля 1686 г. В указе отмечалось, что за десять лет (с 1676 по 1686 г.) «по старому и по новому окладу» недоимки ямских и полоняничных денег с городов составили 6495 рублей 21 алтын. Кроме того, за текущий год следовало уплатить 6595 рублей 29 алтын 4 деньги. Общая сумма платежа налога достигала 13091 рубль 17 алтын 2 деньги. Власти повелели «те деньги из доимок выбрать, а на ослушниках доправить» и прислать в Ямской приказ. Однако «доимочные деньги» не были собраны и воеводам пришлось оправдываться: «...уездные люди чинятся ослушны, ямских и полоняничных денег не платят, а иные де помещики и вотчинники после переписных книг крестьянские и бобыльские дворы перевели в иные города, а земли свои покинули впусте»⁴². Но подобные доводы не убедили и указом великих государей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича предписывалось: «...которые воеводы в городех денежных доходов на указные сроки не сберут и к Москве сполна не пришлют, и те деньги велено править на них, воеводах, да на них же велено, сверх того, править пеня»⁴³.

16 июня 1686 г. последовал именной указ с боярским приговором, повелевавший уплатить недоимки за прошлые годы (с 1680 по 1686 г.) и «впредь имать» ямские и

III. СТАТЬИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

полоняничные деньги по гривне (20 денег) со двора «с митрополичьих, архиепископских и епископских домовых детей боярских, с монастырских слуг и служебников и со всяких работников, с их бобыльских изб и келей»⁴⁴. Через два месяца, 16 августа, поступила коллективная челобитная «великим государям» от архимандритов, игуменов, строителей, келарей и казначеев с братиею от разных монастырей. В ней челобитчики сообщали, что «их домех изстари живут домовые природные дети боярские и слуги и служебники», которые на государевых службах «в польских и немецких землях» «многие побиты, и в полон поиманы, и переранены», а домовые люди — повара и конюхи — работают в архиерейских домах, и «с тех де дворов изстари и до ныне никаких государевых податей ни в которой приказ, оприч городских мостовых денег, не имывано, и в окладе ни для каких податей не бывали»⁴⁵. Церковные иерархи и монастыри просили государей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича не включать в тягло домовых детей боярских, монастырских слуг и всяких работных людей и не взимать с них ямских и полоняничных денег, чтобы «от того врознь не разбрелись и домам бы их архиерейским в безлюдстве не быть». Власти приняли компромиссное решение. Сбор «доимочных денег» за прошлые годы был приостановлен, но прежде они повелели уплатить установленную ранее «доимку» в 431 рубль 13 алтын 2 деньги⁴⁶. Налоговые сборщики также «доправили» (за 1680 – 1685 г.) со 148 дворов слуг, служебников, конюхов, поваров и «со всяких работников» вотчины Спасо-Ярославского (Ярославского Спасо-Преображенского) монастыря 74 рубля. От уплаты ямских и полоняничных денег освободили лишь монастырских служек и служебников, чьи дворы были сломаны и «дворовая их земля в посад отдана»⁴⁷. Одновременно «великие государи» указали и Боярская дума приговорила «со архиерейских с домовых детей боярских, и с монастырских слуг, и служебников, и всяких чинов работных людей» ямские и полоняничные деньги с 1687 г. «и впредь имать по переписным книгам» по 20 денег с двора⁴⁸.

Несмотря на принимаемые властями меры, направленные на повышение эффективности сбора налога, недобор ямских и полоняничных денег повсеместно нарастал. В именном указе с боярским приговором от 14 августа 1688 г. отмечалось, что «донять с городов» удалось 969 рублей 5 алтын и повелевалось для правежу городов, которые не уплатили денег «сполна», направить подьячих Ямского приказа с московскими стрельцами. Воеводам, не приславшим «доимочных денег» и проявившим непослушание, послали государевы грамоты с предупреждением: «...а буде они тех денег в Москве в Ямской приказ всех сполна к сроку не вышлют, и те доимочныя деньги доправить на них, воеводах, и на людех их, и на крестьянах»⁴⁹. Пройдет более десяти лет и для сбора недоимок «с Луховского и Шуйского уездов» власти, как и прежде в сентябре 1701 г., направят из Ямского приказа сборщика С.Ф. Бестужева, ему отведут «на пасадах съезжей и постоялые дворы»⁵⁰.

Собирать ямские и полоняничные деньги продолжали и в первое десятилетие XVIII в. К примеру, в 1707 г. в Шуе в приказной избе было принято с вотчины стольника Я.Т. Собакина сельца Иванова Борисоглебской волости Шуйского уезду с 25 дворов 41 алтын 4 деньги. Заплатил налоговый сбор староста Данило Иванов⁵¹. 14 октября 1708 г. в государеву казну «взяли деньги» с вотчин М.Н. Чирикова, деревни Костяновой, в Ростовском уезде с 4 дворов крестьянских «по десяти денег з двора и того шесть алтын четыре деньги». Заплатил налоговый сбор крестьянин С.Б. Мальгин⁵².

В ведомостях о налогах в 10-е годы XVIII в. ямские и полоняничные деньги входили в состав постоянных («ординарных», «окладных», «табельных») налогов. Они являлись старыми («приказными») сборами, взимавшимися по 5 копеек с помещичьих и по 10 копеек с церковных и монастырских крестьян и сохранили своё название до конца существования подворного обложения в России (1724 г.)⁵³.

III. ARTICLES ON ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

Итак, на протяжении длительного времени (вторая половина XVI в. – 20-е годы XVIII в.) сбор полоняникам на окуп прошёл следующую трансформацию: из нерегулярного добровольного пожертвования к ежегодно взимавшейся подати (полоняничные деньги) затем превратился в объединённый налог — ямские и полоняничные деньги, и наконец — в архаичный мелкий сбор с многочисленными недоимками.

Ликвидация полоняничного налога во многом была обусловлена международно-правовым регулированием военного плена России с Османской империей. Для обеспечения безопасности южных границ страны Пётр I совершил Азовские походы 1695 и 1696 г. Турецкая крепость пала, и Азов стал опорным пунктом России на южных рубежах. 3 июля 1700 г. между воюющими государствами было заключено перемирие. Турецкая сторона брала на себя обязательство «прежестокими указами» добиться, чтобы находившийся в вассальной зависимости крымский хан «и вообще татарские народы и орды» «повиновались и покорялись статьям мирным» и впредь «ни с малою или с великою воинскою силою на страны, и на города, и на села владения его царского величества московского... не ходить, и неприятельств и напусков да не творят, и в полон да не берут, и скота да не отгоняют, ни тайно, ни явно убытка и урону да не наносят, ни иным каким ни есть образом да не докучают, но совершенною крепостию и радением соседства согласие обеих стороны да блюдут».

Статья IX Константинопольского трактата провозглашала взаимный «честный размен» и «без цены освобождение» пленных, кроме тех, кто принял в России православие, а в Турции «учинився мусульманами». Полоняники, которые находились в частном владении, должны были быть освобождены «мерным и честным окупом», и российские власти получили право направлять своих представителей для сыска и выкупа таких пленных, разрешая «всякой спор приличною честностию и приусердствованием меж странами»⁵⁴.

Дальнейшее развитие вопрос об освобождении русских пленных «из бусурманского плена» получил в Прутском договоре 1711 г. Согласно русско-турецкому соглашению все без исключения пленные возвращались, несмотря на их число, без окупа и «поголовного розмена», что не только подтверждало, но и заметно расширяло в этой части действие статей Константинопольского трактата 1700 г.⁵⁵ Принцип обмена пленных «всех и без всякого изъятия», «без размены и без выкупа за деньги» был закреплён в Белградском договоре (1739) (артикул 7) и Кючук-Кайнарджийском договоре (1774) (арт. 25) о вечном мире и согласии между Российской империей и Оттоманской Портой⁵⁶.

После подписания 8 апреля 1783 г. Екатериной II Манифеста «о принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую державу» окончательно был «истреблен корень» «стократного разорителя» пограничных территорий и работорговца русских полоняников на восточных рынках «живого товара»⁵⁷. Глава Военной коллегии Г.А. Потемкин с восторгом писал императрице: «Земли на которые Александр и Помпей, так сказать, лишь поглядели, те Вы привязали к скипетру российскому, а таврический Херсон — источник нашего христианства, а потому и людскости (то есть человечности, гуманности – С.К.). Граница теперешняя обещает покой России, зависть Европе и страх Порте Оттоманской»⁵⁸.

- ¹ Лохвицкий А.В. О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). М., 1855. С. 26–27.
 - ² ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 294.
 - ³ Гессен Ю.Л. Пленные в России с древних времен. Пг., 1918. Вып. 1. С. 12.
 - ⁴ Российское законодательство X – XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 270.
 - ⁵ Там же. С. 350, 351.
 - ⁶ РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Кн. 11. Л. 78, 264 об., 322, 332, 334, 345, 365 об., 445, 449.
 - ⁷ Там же. Л. 375.
 - ⁸ Милоков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства : Рецензия на книгу А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892. С. 66–71.
 - ⁹ Абрамович Г.В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI – первой четверти XVII века // История СССР. 1972. № 3. С. 76.
 - ¹⁰ Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899. С. 230 ; Абрамович Г.В. Государственные повинности владельческих крестьян ... С. 76.
 - ¹¹ Боярский приговор о станичной и сторожевой службе (16 февраля 1571 г.) // Акты Московского государства, изданные императорской Академией наук. СПб., 1890. Т. 1 : Разрядный приказ. 1571 – 1634. С. 2–5.
 - ¹² Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси ... С. 230–231.
 - ¹³ Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 71.
 - ¹⁴ Цит. по: Шмидт С.О. Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сб. статей к 70-летию А.А. Новосельского. М., 1961. С. 34.
 - ¹⁵ Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М., 2008. С. 14–15.
 - ¹⁶ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. ; Л., 1948. С. 436.
 - ¹⁷ Жуков В.Д. «Крымские полоняники» и их выкуп в 50-х годах XVII в. : К истории колонизации южной окраины Московского государства // Вестник Российского университета Дружбы народов. 2012. № 4. С. 34–35.
 - ¹⁸ Жуков В.Д. Общая милостыня. Выкуп пленных Московским государством из Крыма в середине XVII века // Родина. 2014. № 11. С. 96.
 - ¹⁹ Лавров А.С. Военный плен и рабство на границах Османской империи и Российского государства в 17 – начале 18 века // ГИИМ. Доклады по истории 18 века. DNI Moskau : Vortrage zum 18. Jahrhundert № 5 (2010). С. 42.
 - ²⁰ Цит. по: Жуков В.Д. Общая милостыня. С. 97.
 - ²¹ Там же.
 - ²² Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии / подгот. текста Л.И. Ивиной ; коммент. Г.В. Абрамовича, А.Г. Манькова, Б.Н. Миронова, В.М. Панеяха. Л., 1987. С. 27, 28.
 - ²³ Цит. по: Гессен Ю.Л. Пленные в России с древних времен. С. 1415.
 - ²⁴ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1629 г. Д. 1. Л. 71, 79.
 - ²⁵ Соборное Уложение 1649 года. С. 102–117, 307, 326, 339.
 - ²⁶ Там же. С. 27–28, 173.
 - ²⁷ Жуков В.Д. «Крымские полоняники» ... С. 36–39.
 - ²⁸ Гессен Ю.Л. Пленные в России с древних времен. С. 27–29, 38.
 - ²⁹ Милоков П.Н. Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 53.
 - ³⁰ Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацкило М.К. История налогов в России IX – начало XX века. М., 2006. С. 58.
 - ³¹ РГАДА. Ф. 1441 (Кирилло-Белозерский монастырь). Оп. 1. Д. 492.
- Материалы из архива Кирилло-Белозерского монастыря предоставила З.В. Дмитриева.
- ³² Там же. Л. 2.
 - ³³ Там же. Л. 3, 4, 4 об., 5 об, 7 об., 9–10.
 - ³⁴ Там же. Д. 223 (Отписи Монастырского, Стрелецкого, Ямского и других приказов в приёме денег и хлеба за 1616 – 1672 гг.). 147 л.
 - ³⁵ Там же. Л. 39–51.
 - ³⁶ Мацук М.А. Фискальная политика Русского государства и черносошное крестьянство Восточного Поморья и Приуралья в XVII веке. Сыктывкар, 1998. Ч. 1–2. С. 164.
 - ³⁷ Там же. С. 171–172, 176–177.
 - ³⁸ ПСЗ. СПб., 1830. Т. II. С. 220.
 - ³⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 156 (Юрловы). Оп. 1. Д. 58. Л. 1.
 - ⁴⁰ Там же. Л. 37, 46, 73.
 - ⁴¹ Там же. Д. 73. Л. 1.
 - ⁴² ПСЗ. Т. II. С. 769.
 - ⁴³ Там же.
 - ⁴⁴ Там же. С. 808.
 - ⁴⁵ Там же. С. 814.
 - ⁴⁶ Там же. С. 829–830.
 - ⁴⁷ Там же. С. 797.
 - ⁴⁸ Там же. С. 815.
 - ⁴⁹ Там же. С. 941–942.

III. ARTICLES ON ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

⁵⁰ Архив СПбИИ РАН. Кол. 21 (В.А. Борисов). Д. 744. Л. 1.

⁵¹ Там же. Д. 762. Л. 1.

⁵² Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 147. Л. 1.

⁵³ *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России : 1719 – 1728 гг. Л., 1982. С. 22–23.

⁵⁴ ПСЗ. Т. IV. С. 66–72.

⁵⁵ Там же. С. 715.

⁵⁶ Там же. Т. X. С. 901–902 ; Т. XIX. С. 965–966.

⁵⁷ Там же. Т. XXI. С. 897–898.

⁵⁸ Екатерина II и Г.А. Потемкин : Личная переписка 1769 – 1791 / изд. подгот. В.С. Лопатин. М., 1997. С. 180.